

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3939711>

А Баба-Яга против!

Направленность: Джен

Автор: [Dasha Nem \(https://ficbook.net/authors/255248\)](https://ficbook.net/authors/255248)

Беты (редакторы): [Daryan Karroll \(https://ficbook.net/authors/669631\)](https://ficbook.net/authors/669631)

Фэндом: Hetalia: Axis Powers

Пейринг или персонажи: Иван Брагинский (СССР), Гилберт Байльшмидт (ГДР), Альфред Джонс (США)

Рейтинг: PG-13

Жанры: Юмор

Предупреждения: OOC

Размер: Мини, 26 страниц

Кол-во частей: 5

Статус: закончен

Описание:

Если куча стран объявила тебе бойкот, то не бери в голову и наслаждайся жизнью.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

«Баба-Яга против!» - трёхсерийный советский мультик про то, как разная нечисть пытается помешать олимпийскому медведю Мише. Только Миша об этом не сильно подозревает. По крайней мере, в мультфильме это не очень видно. Но таки да, он был готов ещё в 1979 году.

Афганистан - Шарбат Гула. Взята из замечательного фанфика "Шурави" автора 123-ОК. Шарбат эпизодически, но упоминается и появляется.

ТОС

ТОС	2
Глава 1.	3
Глава 2.	8
Глава 3.	14
Глава 4.	21
Глава 5.	26
Примечание к части	29

Глава 1.

*Ещё до старта далеко, далеко, далеко,
Но проснулась Москва
Посредине праздника, посредине Земли.*

Кабинет у Брагинского был просторный и светлый. Однако же внимание привлекал большой стол, заваленный кучей бумаг. Над стопкой макулатуры слегка виднелась светлая макушка, и Гилберт Байльшмидт не терял надежды привлечь внимание её обладателя.

— Итак, что мы имеем в итоге? — напряжённо спросил Гилберт, барабанил пальцами по столу.

— Федя сказал, что нельзя вмешиваться в суверенные дела другого государства, если ты только не отстаиваешь святую демократию, — развёл руками Иван. — Поэтому народу будет немножко поменьше.

— Немножко меньше — это насколько? Можно поконкретнее? — последнее время такая уклончивость сильно действовала на нервы.

— Государств так на пятьдесят-шестьдесят, — с милой улыбкой ответил Брагинский.

— Scheiße! — выплюнул ГДР.

— Опа! — Иван даже удивился. — Неужели ты так сильно расстроился?

— Конечно нет! — саркастично выдал немец. — Это же не я тут крутился и помогал! Не я всякие неблагонадежные элементы из столицы вывозил! Не я тут кое с кем продуктов на три года вперёд позакупал!

— Да, ну, Гилберт. Быстро съедим, не успеет испортиться.

— Да, но... Так, Брагинский! Ты издеваешься, что ли? — рявкнул Байльшмидт, глядя на посмеивающегося Ивана. — Дай сюда список! — вырвал он из рук России листок с полным перечнем объявившим бойкот Олимпийским играм стран. — Хм... Угу. Ага. Вот же маленький... Опа, — глаза Гилберта слегка расширились. — А что вы с Китаем опять не поделили? Что за отношения такие у вас?

— Специфические, — пожал плечами Брагинский. — Но в целом, неплохие.

— Так он на чей-то стороне? — поинтересовался Гилберт.

— На своей, Гил, на своей, — снова он так знакомо улыбнулся.

Губы Байльшмидта сжались в тонкую линию: — Итак, что мы имеем для полного счастья? Санкции? Есть! Бойкот? Есть! Отток спонсоров? А хрен ли нет? Есть!

— Гилберт, не драматизируй, — Иван закатил глаза.

— Не драматизируй! — передразнил ГДР. — Импортное оборудование где?

Брагинскому очень захотелось ответить в рифму, но что-то его остановило: — Звуковое оборудование нам любезно предложила Венгрия. Можешь считать, что это импорт. Тем более, что наши дорогие капиталистические партнёры не смогли отказаться от всего. Да и мои же города не отстают, дорогой товарищ Байльшмидт. Да я в толк не могу взять, что ты так переживаешь сильнее меня? — Иван положил подбородок на скрещенные руки.

— Мне очень понравились прошлые игры, — хмыкнул Гилберт. — Хотелось бы повторить. Можно и с небольшим изменением.

— Ага, щас, — возразил Иван. — Однако есть и хорошая сторона. К нам зато приедут африканские страны, которые в прошлый раз проигнорировали Канаду.

Немец в удивлении изогнул бровь и слегка прищурился: — Вот сейчас совсем не

смешно. При всём моём уважении и, — Гил слегка скривился, — социалистической вере, что все равны, как-то не совсем... корректно сравнивать команду из США и Родезии.

— Зимбабве, — поправил Иван. — Зря ты так, Гил. Эти страны хороши в летних видах спорта. К тому же, есть олимпийские рекорды. Здесь ты сам себе соперник. К тому же, — продолжал Россия, — я всё-таки думаю, что спортсменам не будут запрещать участвовать на личное усмотрение.

— Хм... Кстати, — Байльшмидт внимательно посмотрел на Брагинского, — а она будет здесь?

Иван задумался: — Возможно, она появится на открытии. Но Шарбат не обещала. Однако спортсменов своих делегирует.

— Отлично, — Гилберт даже хохотнул. — Как интересно, борцы за униженных и оскорблённых Олимпиаду бойкотируют, а сами униженные и оскорблённые на соревнования приезжают. Знаешь, Брагинский, был бы ты тогда поосмотрительнее, было бы чуточку легче.

— Ты о чём? — Россия начал перебирать бумаги.

«Не стоит убивать того, с кем ещё недавно клялись в интернациональной дружбе».

— На заявления подобного рода ты раньше куда спокойнее реагировал, — с лёгким упрёком произнёс ГДР. — Ну зачем, зачем на заявлении о немедленном выводе войск, ты предложил говна на лопате?

— Я не хотел его обидеть, — с таким добродушным лицом ответил Брагинский, что у Гилберта возникло стойкое ощущение, что как раз таки хотел.

— Ладно, чёрт с ним. Как у тебя принято говорить, на обиженных воду возят, — Гил со вздохом уселся на стул.

«А ещё кое-что кладут, » — тут же подумал Иван.

— Но, — продолжал гнуть свою линию Байльшмидт, — ты был бы поосторожнее. Не надо так сразу в лоб. Схитрил бы, ты же умеешь, я-то знаю. Придумал бы что-нибудь. Вот помню, в тридцать шестом году, тоже хотели нас с младшим бойкотировать, однако...

— Байльшмидт, — Иван улыбнулся и поднял на Гилберта слегка усталый взгляд.

— А?

— Помолчи.

В рабочем кабинете Кёркланда было довольно темно, из-за плотных штор, которые не хотели пропускать свет. К тому же сама обстановка в кабинете: тёмная мебель, тёмный ковёр, — создавали некую иллюзию мрака. Да и сам Артур в повседневной жизни не любил особо выделяться и предпочитал одежду, которая могла бы ему позволить слиться с окружающими. Последнее время Англия вовсю пользовался своим островным положением, и его вполне всё устраивало. Но сегодня к нему пришёл гость.

— Ты меня предал, — насупившись совсем по-мальчишески кинул слова Альфред, как только вошёл.

Кёркланд не стал изображать непонимание: — Я могу *не рекомендовать* ехать своим спортсменам в Москву, но запретить я не могу.

— Но ты же сам едешь туда!

— Не под своим флагом, Альфред, — добавил Англия.

— Какая разница! — воскликнул Америка, оперевшись руками об стол бывшего опекуна. — Ты едешь! Хотя ты, я и Метью были инициаторами бойкота!

— Не кричи, сядь, — Кёркланд был спокоен. Возможно, он ожидал этого разговора,

возможно, было что-то ещё.

Джонс сел: — Ты можешь не ехать *туда*? В Филадельфии будут свои игры.

— Альфред, я хочу поддержать своих спортсменов. Они решили ехать под олимпийским флагом. Но так или иначе, они представляют *меня*. Наши игры начнутся на три дня раньше. Я успею.

Америка хмыкнул: — Чувствую я, что моими руками ты решаешь свои проблемы, Артур.

— Ал, — Кёркленд серьёзно посмотрел на бывшего воспитанника, — ты же не дурак, несмотря на старательно поддерживаемый тобой имидж. Нам нужно было изолировать Брагинского? Нужно. Нужно было настроить полмира против его действий в Афганистане? Нужно. А то что часть стран разрешила участвовать своим спортсменам, не так уж важно.

— Я думал, — положив подбородок на кисти рук, начал Альфред, — что после моего заявления, он выведет войска.

Сэр Кёркленд сдвинул брови: — Беру свои предыдущие слова назад. Брагинский не стал бы вводить войска на месяц и потом выводить по первому же требованию идеологического... соперника. Если бы только не тронулся умом и самостоятельно не решил бы похоронить с таким трудом возведённую им империю.

Иван устало потёр виски. До открытия осталась неделя. Всего неделя. Олимпийский маршрут уже подошёл к Киеву, а заверить, проверить и перепроверить ещё нужно было огромную кучу бумаг. Чёрт бы побрал эту бюрократию. Иван прикрыл глаза. Однако, несмотря ни на что, это было приятнее, чем планировать военные операции и просчитывать возможные потери.

— Так, сначала идёт Белоруссия, — Брагинский начал говорить вслух. — Затем Казахстан. А потом, потом Киргизия. А затем... Армения с Азербайджаном или нет? Или Литва со своей полькой?

— Или Украина со своим гопаком, — он услышал мягкий женский голос совсем рядом.

— Оля? — Россия открыл один глаз. — Оленька... — открыл второй. — Ты...

— Я тебе поесть принесла, — с укором посмотрела на брата Черненко. — Ты Кощея стал тощее. Я борща наварила.

Иван улыбнулся, только сейчас заметив, что рядом с Ольгой стоит внушительная сумка-баул. И как её только пропустили внутрь с таким хозяйством?

Украина же нагнулась, не вставая со стула, расстегнула сумищу и достала небольшую кастрюльку, завёрнутую в полотенце, да тарелку.

— Оль, — Брагинский опешил, — ты чего?

— Ты домой ночевать не приходишь, сутками не появляешься, а меня ещё спрашиваешь: «ты чего», — заворчала Черненко, доставая ложку и поварёжку. — Ешь давай.

— Да я не голоден, — хотел уже отвертеться Иван.

— А ложкой в лоб не хочешь?

— Оль...

— А по лбу? — решительность Черненко вовсе не была наигранной.

Брагинский хмыкнул и положил подбородок на сплетённые пальцы рук: — Вечно ты так: если не по-твоему, то драться кидаешься.

Украина улыбнулась: — Когда я ем — я глух и нем. Поэтому бери ложку и кушай суп.

Проще было согласиться. Иван уже взял ложку, как Ольга вытащила из необъятного баула крынку сметаны.

— Ты и сметану тащила? Оль, я что на голодающего похож или в столовую не могу прийти?

— Ничего не знаю, — лукаво посмотрела девушка. — Домашний совет принял решение тебя накормить. А то будешь злой, если голодный.

— Где же тогда пампушки? — улыбнулся Брагинский.

Ольга, недолго думая, достала чёрный хлеб и колбасу в бумаге: — Вот, это Наталка передала.

— Я вас люблю, — Россия подавил в себе желание откусить колбасу прямо так с обёрткой. Но прежде всего первое. — А ты что не ешь? — поинтересовался Иван, размешивая борщ со сметаной.

— Я уже обедала, — Черненко слегка опёрлась головой о левую руку. — Ты кушай, Ванечка.

Ольге нравилось смотреть, как он ест.

— Нет, так не пойдёт, — Брагинский встал из-за стола. — Давай вторую тарелку.

— Я взяла одну, а то сумка тяжёлая, — развела руками девушка.

Но Ваня был не так прост. Совершенно необъяснимым образом в своём кабинете он нашёл ещё одно блюдо и ложку.

— Вот, — тут же вытер всё это полотенцем, — прошу к столу.

Ольга усмехнулась, вот же неугомонный.

— Давай я сумку уберу, — взялся за ручки Иван, — что под ногами болта... А что она тяжёлая такая?

— Там немножко котлеток и компот...

Примечания:

Государств так на пятьдесят-шестьдесят, — с милой улыбкой ответил Брагинский.

В общей сложности московскую Олимпиаду-80 в той или иной форме бойкотировали спортсмены из 64 государств (правда, определённая их часть по экономическим, а не политическим причинам).

Однако правительства Великобритании, Франции, Италии и Испании разрешили своим Олимпийским комитетам самостоятельно принимать решения об участии в Олимпиаде. На церемонии открытия и закрытия Олимпиады 15 сборных шли не под национальными флагами, а под олимпийским флагом. При вручении медалей атлетам из этих стран звучали не национальные гимны, а олимпийский гимн.

Импортное оборудование где?

Иван же культурно намекает на одну вещь. Бойкот, объявленный правительствами ряда ведущих государств мира и многими известными спортсменами, похоронил надежды руководителей Гостелерадио получить «под Олимпиаду» импортное оборудование. Поэтому подавляющая часть телеоборудования, использовавшегося на Олимпиаде-80, была отечественного производства. Телевизионные студии и ПТС поставлял Шауляйский телевизионный завод, телевизионные камеры — Новгородский телевизионный завод, видеоманитофоны — Новосибирский завод точного машиностроения, мониторы — Александровский радиозавод. Звуковое оборудование было получено из дружественной Советскому Союзу Венгрии. Исключение было сделано только для уникального

телевизионного оборудования, которое не выпускалось в СССР и закупалось у ведущих зарубежных фирм.

«Не стоит убивать того, с кем ещё недавно клялись в интернациональной дружбе».

Имеется в виду Хафизулла Амин, президент Афганистана в 1979 г., и штурм Тадж-Бека в декабре.

В Филадельфии будут свои игры.

И была такая штука в Филадельфии как Олимпийские бойкот-игры (англ. Olympic Boycott Games, официально — Liberty Bell Classic), на которых присутствовали атлеты из 29 стран. Они начались за три дня до открытия московской Олимпиады — 16 июля.

Глава 2.

*Реет в вышине и зовёт олимпийский огонь золотой.
Будет Земля счастливой и молодой!*

Стадион Лужники не просто большой. *Он огромный.* Он весь заполнен. *Он живой.* Он дышит, думает и чувствует. Сотни тысяч людей вложили в него свои эмоции. Ожидание, нетерпение, волнение и гордость. Ну, и лёгкое ощущение беспокойства у хозяев Олимпиады.

Но, всё же, открытие было замечательным. Эффектно вспыхнуло олимпийское пламя под музыку Шостаковича. Советские космонавты передали большой «Привет!» прямо с орбиты. Все приглашённые спортсмены прошли, как надо, без эксцессов. С достоинством несли они свои флаги: и национальные, и олимпийские.

Всё-таки Москву решили посетить Кёркленд, Бонфуа, Цвингли и де Вард лично. Что ж, уже неплохо.

По мнению Гилберта, всё прошло отлично. По крайней мере, такие эмоции испытывали сейчас восточногерманские спортсмены и болельщики. Всё большое семейство СССР и его глава не подкачали.

Вот, кстати, и он. Разговаривает под трибунами с Афганистаном, которая всё-таки приехала лично. Шарбат была в европейской женской одежде, но с покрытой головой и легонько теребила край платка. Возможно, Гула просто волновалась, возможно, ей было не совсем уютно в такой одежде. Хотя, по мнению Байльшмидта, юбка была слишком длинной. Брагинский мягко улыбался и что-то ей говорил. Скорее всего, Гула посетила Москву ненадолго, раз Иван уже отправился проводить её. Вот даже под руку взял, прямо как джентльмен. Стоп... Она, что, хромает?

Байльшмидт уже хотел подойти поближе, как услышал такое знакомое:

— Гилберт!

«Вот чёрт, видимо, совсем близко».

— Никогда бы не подумал, что в первый же день в такой толпе увижу знакомую спину!

«Этот голос... и манера разговора. Да я и через сто лет узнаю брата всея Европы, чтоб его...»

— Франциск, — Байльшмидт наконец-то повернулся к Франции. — Как давно не виделись, — и постарался натянуть вежливую улыбку.

— С сорок седьмого года, — Франц скопировал жест Гилберта и протянул руку. Байльшмидт пожал её и к лёгкому неудовольствию отметил, какая она гладенькая и холёная — прямо как у юной девушки, не обременённой работой в поле, — за исключением сетки едва ощутимых мелких шрамов возле большого пальца.

Как-то так вышло, что Гилберт Франциска не любил. Нет, он его не ненавидел, но всё равно недолюбливал ещё с эпохи Наполеоновских войн. Может, немножко раньше. Не то, чтобы у него постоянно всплывали «тёплые» воспоминания об императоре Бони, но почему-то когда Франц становился особенно раздражающим, память услужливо доставала из прошлого наиболее яркие картинки. Ведь страны не забывают ничего. Просто не могут, даже если бы и хотели. И как только у одной прекрасной страны с другой, не менее прекрасной, происходит стычка, то ты отмечаешь про себя, что кое-кто был гавнюком ещё в стародавние времена.

— Замечательное открытие, — Франция продолжал улыбаться. — Красивое шоу и

стадион отличный.

— Да, — ГДР кивнул. — Но не стоит здесь толпиться. Пойдём на выход, а то затопчут.

Брагинского он уже всё равно упустил из виду. Не страшно, потом найдёт.

— Я так давно не был в Москве, — Франциск продолжал излучать дружелюбие, — прекрасный город. А ты часто здесь бываешь?

В словах Бонфуа сквозило такое неприкрытое любопытство, что Гилберт просто не мог не ответить:

— Бывает, заезжаю.

Франц издал короткий смешок:

— Понимаю. А как дома дела? В Демократической Республике?

— Всё прекрасно, — Гилберт не мог понять, к чему тот клонит. — Кстати, попить не хочешь? — они уже подошли к автоматам с газировкой. — Тебе вишнёвую или яблочную, или дойдём до ближайшего магазина? Можно купить «Пепси» или «Фанту». Что предпочитаешь?

Лицо у Бонфуа на миг вдруг стало поразительно серьёзным:

— Гил... — и он снова вернулся к привычной беззаботной манере разговора.

— Кстати, видел недавно твою новую военную форму. Ничего, симпатичная. Не Хьюго Босс, конечно, но...

Ах, да. Гилберт совсем забыл, что их с Франциском симпатия вполне себе взаимная. Просто Байльшмидт так давно его не видел — с того самого сорок седьмого года. Бонфуа выглядел всё же лучше, чем в сорок пятом, но заметная худоба осталась даже два года спустя. Зато не было того яростного взгляда, которым он недавно прожигал братьев немцев. Видимо, немного отошёл от оккупации и смирился с тем, что треть его населения не слишком этой самой оккупации сопротивлялась. Да и с людьми нужно было как-то дальше жить. Тем более что небольшая доля контроля и возможность поставить одну из печатей в документе о ликвидации кое-что окупали. Воистину, де Голль спас честь французов. Приятно же росчерком пера ликвидировать вредное, въедливое милитаристское государство. Правда, государства Пруссия де-факто не было уже давно — оно принесло себя в жертву во славу единой и неделимой Германии. *Единой и неделимой.*

Гилберт усмехнулся.

— Значит, я выбираю вишнёвую, — проигнорировав выпад Бонфуа, произнёс он.

И что это на Франциска нашло? На чувство вины захотел надавить, но для чего? Тем более что с Гилом такие фокусы не сработают, с этим Франци нужно к младшему Байльшмидту обращаться. Или у Бонфуа какие-то свои проблемы начались, а тут подходящий объект для желчи попался?

— Гил, — снова начал Франциск, когда ГДР уже опустил три копейки в автомат и нажал на кнопку. — Гил, что происходит у СССР с Афганистаном?

— Вообще-то, он передо мной не отчитывается, — ухмыльнулся Байльшмидт, внимательно рассматривая, как сладкий вишнёвый сироп заливает шипучая газировка.

— Гилберт, — Франциск улыбнулся, — меня несколько беспокоит поведение Жана.

«Да неужели?» Байльшмидт старался пить маленькими глоточками, однако сладкая вода всё равно отдавала в нос.

— Понимаешь, все эти... инциденты в Венгрии и Чехословакии. А теперь ещё Афганистан. Ведь не затем был Нюрнбергский процесс, чтобы... подобные моменты истории снова повторялись. Ведь это должно было многому нас научить.

«Угу, научило, — газировка в стакане почти закончилась. — Поэтому у нас есть уже

дважды изнасилованный Вьетнам и „слегка“ потрёпанный Алжир. И не ты ли, Франциск, говорил, что Алжир для тебя не колония, а провинция? Иногда я думаю — несмотря на то, что все мы лицемеры, ты бы в этом виде спорта взял первое место. И если ещё пару десятков лет назад я считал, что вы с Англией за этот титул постоянно грызлись бы без существенного перевеса, то, когда в сорок пятом Кёркленд предложил вместо судебного процесса просто перестрелять руководителей, я понял, что в умении носить маску англичанин тебе всё же уступает».

— Понимаешь, Гил, — Франциск продолжал, раздражаясь и с неудовольствием отмечая, что ГДР всё свое внимание концентрирует на мытье стаканчика, — довольно трудно следить за тем, как накаляется обстановка в...

— А ещё труднее делать вид, что тебе не всё равно, — наконец не выдержал Байльшмидт.

— Гил, — с нажимом проговорил Франция, — я беспокоюсь...

— Да, ладно, Франц, — Гилберт наконец-то поставил несчастный стакан на место. — Ты хоть имя её помнишь? Человеческое?

— Конечно, я всегда запоминаю красивых девушек, — съехидничал Бонфуа. — А *он* там увязнет.

Байльшмидт незаметно сглотнул:

— Неужели переживаешь? Мило с твоей стороны.

— Думай, что хочешь, но...

— Франциск, тут народ толпой приближается, а мы всё щебечем. Если это надолго, может, отойдём? Или разойдёмся?

Бонфуа улыбнулся:

— А ты всё такой же наглый и самоуверенный пруссак. Неужели в нашей старой дружбе нет ничего, чтобы ты сподобился и передал Ивану нечто важное?

«Интересно, если я ему начну рассказывать про французскую дивизию СС, оборонявшую Рейхстаг, он меня сразу ударит?»

— Я вижу, шоу удалось, — слова Кёркленда Иван не столько услышал, сколько почувствовал спиной.

— Добрый вечер, Артур, — Брагинский обернулся, приветливо улыбаясь. — Вижу, тебе понравилось.

— Интересное представление, — Кёркленд осмотрел Ивана с головы до ног. Обычные светлые брюки, простая водолазка с воротом — всё, чтобы слиться с толпой. — И танцы занимательные. А ведь ещё каких-то, хм... пятьдесят лет назад ты бы заклеил подобное, как ярый национализм.

— Ну, ну, Англия. Традиции нужно сохранять и беречь. Не все, конечно, но танцы и музыка создают особый колорит. Особенно, когда представляешь всё это вместе.

— А я-то думаю, что за мелодия такая знакомая про дружбу народов, — Кёркленд сделал вид, что задумался. — «Широка страна...»?

— Конечно, знакомая, — улыбнулся Ваня. — Тебе в своё время она так понравилась, что даже твоя радиостанция её в эфир выпустила. Правда, вместо гимна.

— Потому что тогда у тебя был «Интернационал», — последнее слово Артуру далось с неприязнью. — Можно сказать, я выбирал из двух зол.

— Как скажешь, — непринуждённо ответил Иван.

Дул тёплый ветерок, солнце не пекло и идти было легко.

— Я видел, что она была на открытии. Не тяжело-то ей было добираться сюда? Ведь в её собственном доме теперь бардак, — да, англичанину явно не шлось молча.

— Шарбат приехала, чтобы поддержать своих спортсменов. К сожалению, надолго она остаться не сможет. Улетает завтра. Дела.

— Хм... И ты вместе с ней?

— Как только закончатся Игры. Не могу же я оставить дорогих гостей без внимания? — в своём обычном стиле ответил Брагинский.

— Надолго? — Кёркленд немного нахмурился.

— Посмотрим. Как пойдут дела.

— Ты так просто мне отвечаешь? — удивился Англия.

— Конечно, Артур. Я же понимаю, что ты не корысти ради, а из чистого беспокойства за девушку.

Кёркленд хмыкнул. Иван улыбнулся:

— Будешь меня жизни учить?

— Нет. Пустая трата времени, уж лучше карикатуры порисую.

— Да, у тебя хорошо получается, — кивнул Россия.

— Так я ведь профессионал в этом деле, — Англия тоже кивнул. — Что бы ты хотел, чтоб я изобразил?

— Хм... — Брагинский потёр подбородок. — А давай медведя.

— Пф... Банально.

— Это классика, — не согласился Иван. — Вот давай моего милого Мишку где-нибудь разместим, а вокруг него всякие ужасы.

— Танки? — с заинтересованным видом спросил Артур.

— Можно и танки. А вот отличная идея, тебе понравится: берёшь колючую проволоку и рисуешь её в виде олимпийских колец.

— Хм... ты уже что-то читал? — решил убедиться Кёркленд.

— Да, немного. Но журналы с твоими работами мне ещё не попадались.

— Хочешь, я тебе по почте свежий выпуск пришлю?

— Ты такой заботливый, Артур.

— Брагинский, я тебя везде!.. — пламенный возглас Гилберта внезапно прервался.

Он удивлённо посмотрел на Россию и Англию:

— Здравсте.

— Добрый вечер, Байльшмидт, — Кёркленд быстро принял непринуждённый вид.

— Рад был поболтать, — обратился к Брагинскому.

— Всегда пожалуйста, — отозвался Иван.

— О чём вы разговаривали? — слегка повёл бровью ГДР, когда сэр Кёркленд исчез из вида.

— Об Играх, Гил, — улыбнулся Россия. — А что у тебя вид усталый?

— Не поверишь, старался изо всех не допустить международный конфликт. С заданием справился, — оттарабанил Гилберт. — В общем, долго рассказывать.

— Ты меня искал. Чего хотел-то?

— Ах, да, — тут же сообразил Байльшмидт. — Ваня, я... Мне нужно брату позвонить, — выпалил он, посмотрев на часы.

— Хорошо, сейчас домой поедем.

— Ты на машине?

— Нет, — Иван усмехнулся. — Мы поедем на метро.

— Сейчас?! Да там же народу — не пропихнёшься!

— Гил, ну, не будь таким неженкой.

— А я уж и забыл, какое у тебя страшное метро, — заходя в дом СССР, пожаловался Байльшмидт. Но его плохое настроение тут же улетучилось, когда он почувствовал ни с чем не сравнимый мясной аромат.

— Ванечка... А, и ты здесь, — Наташа в фартуке и с поварёшкой в руке приветствовала гостей. — Тогда разувайтесь, проходите, скоро ужинать будем. Оля, поставь ещё тарелку! — крикнула в сторону кухни.

— Сейчас, Наташ, только кое-какие дела уладим, — приобнял Иван сестру.

— Только побыстрее, почти всё готово, — шутливо пригрозила поварёшкой Белоруссия.

Парни быстро поднялись на второй этаж.

— Проходи, — Иван распахнул дверь своего кабинета.

Байльшмидт взглядом окинул кабинет и заметил на письменном столе пачку журналов.

— До сих пор «Мурзилку» выписываешь? — хихикнул Гил, а потом широко распахнул глаза. — Это...

— Это французские и нидерландские карикатуры, в основном, — ответил Брагинский. — Скоро, может, и английские получу.

— О... да я смотрю, ты любишь чувствовать себя евреем с антисемитской газеткой в руках, — прищурился Гилберт, заметив особенно яркий «шедевр». — Не обидно?

— Да что ты, Гил, — улыбнулся Россия. — На обиженных воду возят.

— Ага. И ещё кое-что кладут.

— Так! Ты при брате такое не употребляй, а то он и без этого думает, что я на тебя плохо влияю, — хмыкнул Иван. — Телефон за дверью, — указал на небольшой проём в своём кабинете и сел на стул перед письменным столом.

— А ты не боишься меня одного отпускать? — хитро улыбнулся Байльшмидт. — Вдруг я что-то не то ляпну?

— Если ты что-то не то ляпнешь, я всё равно узнаю, не переживай, — с деловитой серьёзностью ободрил Брагинский.

— Да я ему про открытие расскажу. А то дома же сидит, не знаю, смотрит ли хоть телевизор, бедный. Мне, кстати, понравилось, — добавил Гилберт. — Но я ещё кое-что внёс бы в музыкальную программу.

— И что же? — поинтересовался Иван.

— Moskau, Moskau, — ехидно запел Байльшмидт.

— Шевелись уже, — беззлобно отозвался Ваня.

А когда дверь за Гилом закрылась, устало потёр виски:

— Москоу, Москоу... закидаем бомбами. Будет вам Олимпиада. Ахахаха...

Примечания:

С сорок седьмого года, — Франц скопировал жест Гилберта и протянул руку.
1947 г. — принятие Закона «О ликвидации Прусского государства».

Можно купить «Пепси» или «Фанту».

Первым западным продуктом массового спроса, который прорвался на советский

рынок, стала «Пепси-Кола». В 1974 году в Новороссийске открылся первый советский завод по розливу «Пепси».

В преддверии Московской Олимпиады президент «Кока-Колы» Дж. П. Остин, пользуясь близостью к новому президенту США Джимми Картеру, смог пробиться на прием к советским руководителям и договориться о возможности выпуска своей продукции в СССР. Правда, во избежание конфликта с Кендаллом (владельцем «Пепси») «Кока-Коле» позволили выпускать только «Фанту». «Кока-кола» успела заключить соглашение с советским правительством до того, как США начали бойкот Олимпиады-80 из-за ввода советских войск в Афганистан, поэтому приехавшие на Московскую Олимпиаду зрители могли в равной мере наслаждаться и «Пепси», и «Фантой». Значительную долю олимпийских «Пепси» и «Фанты» произвел Московский пиво-безалкогольный комбинат, специально построенный к Олимпиаде.

Не Хьюго Босс, конечно, но...

Хьюго Босс вступил в НСДАП и получил партийный заказ на производство униформы СА, СС и Гитлерюгенда, тем самым спас свою фабрику от банкротства.

Понимаешь, все эти... инциденты в Венгрии и Чехословакии.

Имеется в виду подавление восстания в Венгрии в 1956 г. и ввод войск в Чехословакию в 1968 г.

Поэтому у нас есть уже дважды изнасилованный Вьетнам и «слегка» потрёпанный Алжир.

Индокитайская война: 1946–1954 гг.

Война во Вьетнаме: 1957–1975 гг.

Война за независимость Алжира: 1954–1962 гг.

если я ему начну рассказывать про французскую дивизию СС, оборонявшую Рейхстаг

Имеется в виду 33-я гренадёрская дивизия СС «Шарлемань».

Тебе в своё время она так понравилась, что даже твоя радиостанция её в эфир выпустила. Правда, вместо гимна.

После начала Великой Отечественной войны Черчилль выступил с заявлением о поддержке СССР. По этому случаю BBC, не желая исполнять гимн СССР (тогда это был «Интернационал»), выпустила в эфир песню «Широка страна моя родная».

Это французские и нидерландские карикатуры, в основном, — ответил Брагинский.

Некоторые карикатуры можно посмотреть здесь:

<http://propagandahistory.ru/1580/Boykot-olimpiady-1980-g-goda-stranami-Zapada/>

Глава 3.

*Наши нивы глазом не обшаришь,
Не упомнишь наших городов,
Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.*

*С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни черных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.*

Гилберт закрыл за собой дверь и включил свет. Ровно выдохнул и сел за стол. Эта маленькая комнатка, примыкающая к кабинету Брагинского, не отличалась уютом. Зато там был телефон, позволяющий связаться с кем-либо важным напрямую. Очень удобная штука. ГДР привычным жестом крутанул диск.

— Байльшмидт, — с той стороны провода послышался слегка напряжённый голос Людвиг. — Герр Байльшмидт слушает.

— Привет, *Запад*, — Байльшмидт-старший усмехнулся прямо в трубку.

— Гилберт... — Людвиг облегчённо выдохнул. — Ты... Как ты там?

— Всё отлично, братишка, — весело отозвался ГДР. — Весь в делах, заботах. То открытие посетить нужно, то спортсменов своих поддержать. То побеспокоиться о своём *маленьком* братике, что не смог приехать.

Казалось, что ФРГ по ту сторону линии слегка насупился и несколько обиженно произнёс:

— Ты знаешь, почему я не поехал, Гилберт. СССР нарушает международное право. Интервенция в суверенное государство противоречит...

— Людвиг, пожалуйста, — Байльшмидт свободной рукой потёр висок, — говори, как человек. Избавь меня от вызубренного формального текста.

В трубке послышался тихий вздох:

— Гилберт... Я не питаю особых восторгов по поводу ввода войск Брагинским в Афганистан.

— Я не думаю, что он сам танцевал от радости при таком раскладе, — хмыкнул ГДР.

— Как бы то ни было, — продолжал Людвиг, — общение с герром Брагинским может... иметь последствия, которых мне бы не хотелось.

— Так не общайся с «герром Брагинским», — передразнил младшего Гилберт.

— Общался бы со мной, в чём проблема.

С другого конца провода послышалась усмешка.

— Гил, — так неформально брат его давно не называл, — ты приедешь к Рождеству?

ГДР задумался:

— Я постараюсь.

— Отпросишься у Брагинского?

— О, — Байльшмидт оценил эту ложку яда.

— Гилберт... — сообразив, что сказал, начал Людвиг, — я не то...

— Да нет, отчего же, — в тон предыдущей реплике брата отозвался ГДР. — Это ведь ты у нас свободная и независимая держава. Не то, что некоторые, — всё-таки плевать рядом Гилберт не разучится никогда.

— Брат, — Байльшмидт-младший выделил это слово, — давай... не будем.

Молчание.

— Так ты приедешь?

— Я постараюсь, — уже мягче ответил Гилберт. — Ладно, Люд, пойду. А то мой конвоир уже заждался, — с ехидством добавил он.

— Гилберт... удачи на соревнованиях, — произнёс ФРГ.

— Да к чёрту её, — усмехнулся Байльшмидт, — но спасибо, братишка.

Людвиг что-то заворчал, однако ГДР сказал:

— Ладно, до связи, Запад. Пока.

Байльшмидт опустил трубку на рычаг и выдохнул.

В кабинете Брагинского уже не было. Сколько же Гилберт проболтал? Минут пять-семь? Видимо, Иван не стал его дожидаться. «Оно и правильно», — подумал немец. Он сам голодный — сволочь сволочью, а сытый он не так уж плох. Вероятно, Брагинский уже утопал на кухню и что-нибудь жуёт.

Решив последовать примеру России, Гилберт начал спускаться. «И всё же, какой этот дом большой», — не переставал удивляться Байльшмидт про себя. В доме было множество спален, кухня, столовая и гостиная. Все республики съезжались на Новый год, Первомай и... другие праздники. Как например Олимпийские игры. Хотя какое-то время после войны они жили всем скопом. Гилберт знал это, так как сам почти до пятидесятого года проживал здесь.

— Ванька, перестань портить аппетит! — из кухни послышался сердитый голос Украины.

— Это всего лишь помидорка! — возмутился Брагинский.

— Такая яркая, спелая, прямо из теплицы. Так и манит, чертовка, — усмехнулась Наташа.

— Ага, — подмигнул сестре Иван. — Видишь, Оля, — теперь он обращался к старшей, — я возьму только половинку. — Брагинский сделал аккуратный надрез, чтобы не обрызгаться. — Вот, больше даже не влазит, — он улыбнулся, отправив сочную дольку в рот.

— Ага, — Ольга упёрла руки в бока. — У тебя рот широко открывается только, когда ты орёшь на меня.

— О...га...

— Кхе-кхе. — Вся троица обернулась в сторону Гилберта. — Извините, что прерываю, но мы, вообще-то, жрать сегодня будем?

— Не жрать, а есть, — упрекнула Байльшмидта Наталья. — Так садись за стол, кто ж тебе не даёт? И ты, Ванюш, — уже мягче добавила девушка, — иди садись. Там уже почти все собрались. А нам Грузия остальное расставить поможет.

— Да, — кивнула Черненко, — мы с Тamarой справимся. А вы, давайте, уходите уже отсюда.

Парни поспешили ретироваться в столовую. Там уже за почти накрытым и заставленным столом сидели практически все республики СССР: Азербайджан что-то увлечённо рассказывал Армении, а та улыбалась, Литва активно обсуждал какую-то тему с Эстонией и Латвией, три черноглазых девушки — Туркмения, Узбекистан и Киргизия — о чём-то шушукались в своём уголке, Казахстан с Таджикистаном мечтательно смотрели на горячие пирожки, а Молдова увлечённо грыз кусочек сахара, так как конфеты ему давать до ужина запретили.

Брагинский присел рядом с Казахстаном, Гилберт плюхнулся где-то рядом. У Байльшмидта, несмотря на то, что половину из местных блюд он даже не знал, начали

течь слюнки как в переносном, так и в буквальном смысле.

«Да чего же девочки возятся, так и от голода сдохнуть недолго». Но, на счастье Гилберта, в комнату вошла Белоруссия с огромной тарелкой летнего салата. А затем Украина и Грузия с двумя большими кастрюлями с явно чем-то мясным. Как только девушки открыли крышки, по столовой разнёсся восхитительный запах тушёных рёбрышек с картошкой.

«Я сейчас умру от счастья», — прикрыв глаза, подумал Гилберт. Ольга села рядом с ним, Наташа и Тамара прошли в другой конец стола.

— Давайте тарелки, — Украина поочерёдно положила всем желающим свинины с картофелем. — Ммм, — она попробовала свою порцию, — вкусно получилось. Только... Абылай, — обратилась она к Казахстану, — передай соль, пожалуйста. Хм... Чуток не досолила. Но так лучше, чем пересол, — начала тихий разговор с собой девушка. Только немец её слышал. — Да ты кушай, кушай, Гилберт.

«Да ты кушай, кушай, Байльшмидт».

Гилберт подавился.

— Что случилось? — спросил Иван, стуча Байльшмидта по спине. — Подавился?

— Угу, — откашлявшись, ответил немец. — Просто... — *«Вспомнилось»* — картошка не в то горло попала.

— Ты аккуратнее, — обеспокоенно произнесла Украина. — На, — протянула она стакан с водой, — попей.

— С...спасибо, — Гилберт сделал небольшой глоток.

Остальные, убедившись, что гостю ничего не угрожает, вернулись к своим делам. ГДР начал искоса на них поглядывать. Все они о чём-то болтали, не забывая при этом умыкнуть на тарелку что-нибудь вкусненькое. Всем им было весело, все они... радовались? Но, по крайней мере, впечатление такое создавалось.

Гилберт же старался не отставать, кладя себе на блюдо какой-то треугольный пирожок. Но есть пока не торопился. Случайно брошенная Ольгой фраза разбредила старые воспоминания. Как странно: больше тридцати лет назад она сказала почти те же слова, но совершенно с другой интонацией. Точнее... смысл послания был совсем иным.

Более тридцати лет назад его впервые усадили за этот стол.

В июне 1945 советы провели парад победы. Нацистские знамёна с чёрной свастикой были брошены к подножию Мавзолея. В знак того, что с Третьим Рейхом безоговорочно покончено. Но для Гилберта Байльшмидта всё только начиналось.

Уж непонятно по каким причинам: то ли по личной инициативе Брагинского, то ли по настоятельной просьбе-приказу его начальства, — но «фашистскую гадину», как выражались в том же СССР, не додавили. Гилберт, костлявой рукой ощупывая шею с ещё не сошедшими пятнами синяков, скривился. Прямо дежавю какое-то. Только вот нового чуда Бранденбургского дома не будет. Не то время и не те обстоятельства. Краем уха Байльшмидт слышал, что жив он ещё потому, что в ноябре должен состояться суд в Нюрнберге. Ему позволят выступить в суде. Как мило. Если ещё учесть, что на данной процедуре настоял этот большевистский грузино-осетин, то становится ещё забавнее.

— Ты там скоро закончишь прихорашиваться? — голос Брагинского выдернул немца из философских дум.

— От меня-то надо что? — поправляя воротник, Байльшмидт встал со скрипучей кровати.

Иван отворил дверь в комнату:

— Ну раз ты уже ногами можешь шевелить, то за едой теперь и сам спустишься.

Гилберт оскалился, ясно понимая, что это бесполезно. Не зря же его Брагинский под своё заботливое крыло перетащил — чтобы глупостей до суда не наделал.

— Пошли, Байльшмидт, а то на тебя смотреть больно. Старушка какая-нибудь увидит — на причитания изойдёт.

Гилберт сжал зубы, но последовал вниз за Иваном. За столом сидела почти вся честная компания: прибалты, Украина, кавказские республики и республики Средней Азии. Все они, независимо от того, прошли ли по ним тяжёлые «арийские» сапоги, выглядели бледными, осунувшимися и довольно худыми. Ничем не уступая «товарным видом» Байльшмидту. Имен половины из них немец не знал и, если честно, не особо и интересовался.

Атмосфера за столом сразу стала гнетущей. Нет, Байльшмидт не испытывал никаких иллюзий насчёт их нежных чувств к себе. Он прекрасно знал, что происходило на оккупированных территориях. А если учесть, что по планам местному населению должно было быть ещё хуже, то удивляться и не стоило. Но всё же злоба, злоба к нему была настолько сильной, что, казалось, имела собственное воплощение.

Гилберт непроизвольно сглотнул. Но всё же демонстративно сел за стол и придвинул кружку с мутным бульоном. Да пускай ненавидят, сколько влезет. Ему-то какое дело? Главное, чтобы вдруг жалеть не начали. Вот уж чего-чего, а жалость к себе Гилберт точно не переживёт.

— Знакомьтесь, кто ещё не видел, Гилберт Байльшмидт собственной персоной, — улыбнулся Иван. — Теперь он будет жить с нами.

Теперь двенадцать пар глаз уставились на Брагинского. И в них было... удивление? Недоумение? Непонимание? Потом эти глаза снова переместились на немца, а потом опять на Россию. Никто не сказал вслух, но явно подумал, что у Ивана не совсем все дома.

— До суда, — в конце концов добавил Брагинский.

Гилберт же сделал глоток куриного бульона: «Несолёный. Совсем. Больше на воду похож». Байльшмидт отметил это про себя, как факт, а не как придирку. Глупо придираться к еде после войны.

Со стороны лестницы послышались лёгкие осторожные шаги. Иван пошёл навстречу ещё одному домочадцу. Белоруссия была очень бледна и худа. Казалось, даже сильнее чем остальные. Брагинский помог сестре присесть. Наталья благодарно улыбнулась. Она пододвинула железную кружку ближе и уже хотела отпить.

— Ты... — вырвалось у неё непроизвольно.

О, Гилберт помнил этот взгляд. Как часто он видел выражение: «Если выживу — убью». В глазах же Белоруссии читалось другое: «Выживу — убью!» Он давно не ощущал такой искренней ярости. Как тогда, в сорок втором, когда видел её в последний раз. Как тогда, в сорок пятом, когда Брагинский приложил Байльшмидта затылком о стену.

Всё же, видимо, Арловская себя пересилила и повернулась к брату:

— Ты зачем его сюда притащил?

У Гилберта язык чесался спросить: сюда — это «за стол» или «в дом»? Но благоразумие в этот раз взяло вверх.

— Наташ, — мягко, но настойчиво ответил Иван, — Гилберт будет жить здесь до суда.

Девушка поджала тонкие губы:

— А потом куда? В крематорий?

Байльшмидт непроизвольно вздрогнул. Смерти он не боялся, но умирать, несмотря на все прожитые века, не хотел. А осознание того, что, скорее всего, на суде он получит вышку, так как де-факто ликвидирован, а потому особой ценности не имеет, неприятно

жгло. Неприятным было и понимание, что ожидание в несколько месяцев ему придётся провести здесь. «Рядом с этой чёртовой семейкой».

— А это как получится, фрау Наталья, — последовал злой ответ. — Может, в гроб — и закопают. А может, мне милостиво дадут самому распорядиться своими похоронами в завещании. Возможно, даже гуманно предложат выбрать способ казни: повешение там или расстрел. Хотя я сомневаюсь на такую снисходительность. Надо, чтоб наверняка, — выплюнул он. — А то меня практически четвертовали, а я всё сижу. Может, сожгут, в конце концов, и пепел развеют. Хотя быть сожжённым заживо чертовски больно. Но лично у меня давно такое было, я запомнил. Может, вы, фрау, поделитесь ощущениями?

Глаза Ивана опасно потемнели. Мужская половина синхронно поднялась из-за стола. Но Наташа схватила брата за руку и сказала остальным:

— Не стоит.

Арловская взяла свою кружку да кусочек хлеба. Иван решил проводить её до Наташиной спальни. Все, кроме Ольги, вышли из-за стола и молча покинули комнату.

— Ты посмотри, какие все принципиальные, — усмехнулся Гилберт, делая ещё один глоток. «Будто бы я не видел ваши тёмные стороны».

Украина подвинула к нему тарелку с чёрным хлебом:

— Ты ешь, ешь, Байльшмидт, а то на жертву Бухенвальда похож.

Гилберт подавился.

— Да что же ты, — Черненко хлопнула его по спине, и Гил к удивлению отметил, что ручка-то Ольги не только мягкая, но и тяжёлая. — Ты жуй, жуй лучше, — улыбнулась она так приторно ласково, что даже Брагинский бы не смог повторить. — А что я хочу тебе сказать, — девушка села ближе. — Если ты ещё хоть раз не то, что пальцем, словом её опять обидишь, я тебя удавлю, Байльшмидт.

Украина положила руку ему на воротник:

— У меня контузия лёгкая, — она снова улыбнулась. — Мне ничего не будет. Да ты кушай, кушай, Байльшмидт, — Черненко хлопнула его по плечу напоследок и вышла из столовой.

После всего Ольга никак не напоминала об этом разговоре, и вообще, была довольно приветлива. Наташа же либо его игнорировала, либо неприязненно смотрела. Но всё же и она была из тех людей... стран, что не ставят личное выше делового. Но и своё истинное отношение Арловская тоже не скрывала никогда. Байльшмидт же больше старался никого не провоцировать, и это неплохо ему удавалось.

Суд длился почти год. Людвиг оставили на попечение трёх нянек, а Гилберта снова отправили к Брагинскому. То, что «теперь Гилберт будет жить у нас чуть дольше, чем планировалось», первоначального эффекта уже не производило. Наталья и Ольга, кажется, даже и не удивились нисколько.

И, потихоньку, потихоньку, они все друг другу притёрлись. Даже Наташа слегка оттаяла. Всё же своё истинное отношение она не скрывала. А вот что происходило в голове Ольги и Ивана — чёрт разберёт. Однако, вроде бы всё устаканилось.

— Эй, Гил, ты, что, к космосу подключился? — обеспокоенный голос Ивана резко выдернул немца из своих дум.

— Да, так, — Гилберт моргнул два раза. — Вспомнилось.

— Ностальгия? — усмехнулся Брагинский.

— Ага, — крикнул Байльшмидт. — Типа того.

— Ты если хочешь, — начал Иван, отправляя карамельку в рот, — можешь остаться

ночевать здесь. Всё равно завтра-послезавтра в Олимпийскую деревню все переберёмся. Ну или, — улыбнулся он, — мне тебя проводить до метро?

— Ну уж нет, — поднял руки Гилберт. — Где, ты говоришь, свободная комната?

В пригороде Таллина было прохладно, но не холодно. Погода как раз такая, которая необходима для соревнований под парусом. Парусный центр «Пирита» встречал спортсменов. «Летучий голландец», «470», «Финн», «Солинг», «Звёздный», «Торнадо» — для яхтсменов это непростые слова. Это огромное количество упорных тренировок. Ещё очень важно, чтобы и твой парус не упал, лодка не прохудилась и была без повреждений, и целая куча других немаловажных деталей.

Тино Вайнямёйнен носился по побережью Балтийского моря, как угорелый. Случилась беда. И не просто беда, а БЕДА! КАТАСТРОФА! Его спортсмену нужна была лодка. И не просто как можно быстрее, а срочно. Интересно, а у Советского Союза случайно нет ли запасной?

Тино вдруг почувствовал, что налетел на кого-то.

— Извините, пожалуйста, — встрепенулся Финляндия и поднял взгляд.

— Ничего страшного, — ответил Эдуард фон Бок, поправляя очки. — Куда-то торопитесь?

Глаза финна загорелись:

— Я прошу прощения, — он аккуратно цапанул Эстонию за руку, — но не будет ли у вас лишней лодки, *дорогой товарищ*?

Эдуард даже не понял, от чего обалдел больше: от немного странной просьбы или от такого обращения Вайнямёйнена.

Некоторое время спустя...

— Давай, давай, давай! — кричала трибуна, заполненная семейством дома СССР. — Вперёд, вперёд, вперёд!

— Как там Рехардт? — шепнул на ухо фон Боку Брагинский.

— Всё разрешилось само собой и без нас, — также ответил эстонец. — Кеэп отдал свою лодку. Ему она в тот момент была без надобности.

Тут трибуны с болельщиками Финляндии взорвались громкими радостными криками. Затем трибуны Австрии. И наконец бурными аплодисментами разразилась трибуна СССР.

— *Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет*, — пропел Иван. — Ты смотри, финн победил в классе «Финн», — весело улыбнулся Брагинский.

Эдуард тоже улыбнулся. Он повернул голову на трибуны финских болельщиков, пытаясь найти Тино. Вайнямёйнен заметил его и помахал рукой. Эстония с тем же дружелюбием ответил.

Примечания:

Только вот нового чуда Бранденбургского дома не будет.

Да, тут есть отсылка к работе 123–ОК «Янтарь хрупок»:

<https://ficbook.net/readfic/2339784>. Но не ко всей истории, а там, где она касается Старого Фрица и Петра III.

Если ещё учесть, что на данной процедуре настоял этот большевисткий

грузино-осетин, то становится ещё забавнее.

Я думаю, что Иосифа Сталина все узнали.

Он прекрасно знал, что происходило на оккупированных территориях. А если учесть, что в планах к местному населению должно было быть ещё хуже...

Речь идёт о планах «Ост» и «Барбаросса».

Хотя быть сожжённым заживо чертовски больно. Но лично у меня давно такое было, я запомнил. Может, вы, фрау, поделитесь ощущениями?

Я думаю, подробно пояснять про сожжённые деревни, причём часто вместе с живыми людьми, не требуется.

Будто бы я не видел ваши тёмные стороны.

Коллаборационизм — штука сложная и довольно болезненная.

Например, в карательной антипартизанской операции «Зимнее волшебство» на севере Белоруссии и Псковской области России (у нас получило название «Освейская трагедия») принимали участие не только немцы, а также латышские, литовские, эстонские и украинские коллаборационисты. Особой добротой к местным жителям они не отличались.

Состоящие в основном из русских «РОНА», «Дружина» вообще входили в Ваффен-СС (Waffen-SS). Украинская дивизия «СС-Галичина», разные «кошачьи» формирования, созданные на территории Белоруссии, России и Украины, тоже любили отжечь.

Что касается Прибалтики, то рассмотрим это на примере Латвии.

Маленькая Латвия дала войскам Waffen-SS целых две дивизии: 15-ю гренадерскую и 19-ю гренадерскую. Первая известна тем, что ее бойцы в 1945 году заживо сожгли нескольких поляков из 1-й армии Войска Польского, имевших неосторожность сдаться им в плен.

Однако Латвия дала и войскам РККА несколько стрелковых дивизий.

И грех не вспомнить про 201-ю Латышскую стрелковую дивизию. В составе дивизии большинство были добровольцами (около 70%), граждан Латвийской ССР — 90%. По национальному составу: латышей — 51%, русских — 26%, евреев — 17%, поляков — 3%, других национальностей — 6%. Официальные документы свидетельствуют о том, что к началу декабря 1941 года в составе дивизии было более 10 тысяч человек.

К тому же первый комендант Берлина — латыш Николай Берзарин (его настоящая фамилия — Берзариньш).

А так как плодить несколько воплощений я не планировала и противопоставлять несколько тысяч нескольким миллионам — тоже, то у меня все республики были в составе советской армии. Там, где ситуация «несколько тысяч — несколько миллионов» сложнее, — я тоже упростила. Показала на примере Латвии. Я же Францию в предыдущей главе не расщепляла. Поэтому здесь также.

Всё разрешилось само собой и без нас, — также ответил эстонец. — Кеэп отдал свою лодку.

Финскому яхтсмену свою лодку отдал эстонец Ааре Кеэп, которого в последний момент отцепили от советской сборной на Олимпиаде. На лодке советского спортсмена Эско Рехардт выиграл ОИ–1980 в классе «Финн» и приобрел себе друга на долгие годы.

Глава 4.

*Всё могут короли, всё могут короли,
И судьбы всей Земли вершат они порой.
Но что ни говори, жениться по любви
Не может ни один, ни один король,
Не может ни один, ни один король.*

— Миленько, — сказал Кёркленд, оглядев свою будущую комнату. В первый раз, когда он заносил чемодан, у него не было времени осмотреться.

Теперь же он заметил, что и у второй кровати стоит внушительного вида багаж: чёрный чемоданчик на колёсиках с ручкой-тянучкой. Знакомый такой.

«Нет... не может быть...»

— Bonjour, Angleterre, — донельзя радостный и ехидный голос донёлся из-за спины. Артур мысленно сосчитал до десяти и обернулся: ну конечно, кто же ещё.

— Я, правда, надеялся на соседа повеселее, но что есть, то есть, — ослепительно улыбаясь, Франциск Бонфуа плюхнулся на свою кровать.

«Брагинский... Неужели нарочно... Чтоб тебе... повылазило», — Кёркленд аккуратно опустился на ближайшую койку.

— Всё-таки Жан довольно прагматичен, — то ли самому себе, то ли Артуру сообщил важную новость Бонфуа, разглядывая потолок и скрестив руки под головой.

— Ты только заметил, — произвольно хмыкнул англичанин, не отрывая взгляд от пола.

— Вопросы выживания — это одно, а вот... — Франциск повернулся лицом к Кёркленду, — а вот организация быта — совсем другое. Ты уже видел новый спортивный комплекс?

Артур отрицательно мотнул головой.

— Обязательно посети — тебе понравится, — француз мечтательно улыбнулся, да так, что Англии стало как-то не по себе. — Я тут хотел добиться неофициальной встречи с Жаном через Гилберта, знаешь, что он мне ответил?

— Что? — Артуру и впрямь стало интересно.

— *Я не его секретарша*, — довольно похоже передразнил Байльшмидта Франция. — *Сам знаешь, где он живёт. Вот иди и сам с ним договаривайся.*

— Этого стоило ожидать, — Кёркленд криво улыбнулся. — А в честь чего ты решил с ним встретиться неофициально?

— Ну, всё-таки когда-то мы были друзьями.

Артур чуть не рассмеялся в голос. Но многосотлетняя выдержка не подвела. Всё же забавно, как вовремя Бонфуа мог вспомнить о старой дружбе. А ещё забавнее, что иногда этот трюк у него срабатывал.

— И что бы вы обсуждали в этой дружеской беседе? — Кёркленд даже не старался скрыть издёвки. — Твои последние карикатуры? Я думаю, он вполне их оценил. Особенно его любимый еврейский вопрос.

На лице Бонфуа снова появилась улыбка. И снова странная. Странная для Франциска.

— Я хотел бы узнать, что он собирался делать после, — спустя пару секунд произнёс Франц.

— После чего? — Артур знал ответ на свой вопрос, но хотел потянуть время.

— Ну не вечно же он будет там стоять, — Франциск издал нервный смешок, Кёркленд поёжился. — Год, два, три, десять — какая разница? Уйдут русские — кто придёт вместо?

— Ты думаешь, кто-то снова туда придёт? — и на этот вопрос Артур тоже знал ответ.

— В её случае это предсказуемо.

— О, а ты решил своего Нострадамуса вспомнить? — Кёркленду не нравилась тема разговора, он бы хотел её сменить.

— В своё время он был очень способный мальчик, — уже мягко ответил Бонфуа.

— Ты знаешь, почему мы с Кубертенем хотели возродить Олимпийские игры?

— Ради вида красивых атлетичных тел, — не удержался от укола Англия.

— И это тоже, — пропел Франциск. — Но... Пьер считал, что молодёжь мира должна мериться силами в спортивных состязаниях, а не на полях битв. А я подумал, что это не так уж и плохо, — усмехнулся Бонфуа.

Кёркленд молчал.

— Артур, — Франс вдруг стал неожиданно серьёзным, — мне бы очень не хотелось узреть Третью мировую не только в качестве участника, но даже свидетеля.

Переезд в Олимпийскую деревню Союзом Социалистических Республик намечался на следующий день сразу после обеда. Ну, а пока, ближе к вечеру, а точнее — ночи, в просторном домике Советского Союза все республики, ГДР, Венгрия и Польша планировали культурно провести время. А всё потому, что Иван обещал сюрприз.

— Брагинский, ты скоро там? — постучал в дверь комнаты Байльшмидт. — Мы тут так и закрытие встретим!

— Сей момент! — Иван со всей широты души отворил дверь и чуть не зашиб Гилберта. — Прошу!

Вся толпа втиснулась в комнату.

— Ванечка, ты раздобыл видеомэгафон? — Ольга обрадовано подошла к телевизору, на который руки мастера прикрепили современное чудо техники.

— Да! — гордо ответил Иван, доставая несколько кассет. — Сейчас кино смотреть будем. Или не кино, — Брагинский задумался. — В общем, что взял, то взял.

— Да ладно! — Байльшмидт вытащил из рук России кассеты и вставил в видик первую попавшуюся. И это оказался сборник советских мультфильмов.

Лукашевич прыснул:

— Да ты, дитяtko, умеешь выбрать.

— Кто-то сейчас договорится...

— Так! — Наталья прервала разгорающуюся ссору. — Мультфильмы, значит мультфильмы! Кто против? Никого. Хорошо, значит, все за. Давайте рассаживаться, только поживее!

Несколько стран облюбовало диванчик, однако большая часть расселась на большом мягком ковре. Однако позже все остальные присоединились к ним. Союзные республики как-то инстинктивно плотно, но так, чтобы было удобно, скучковались вместе. Гилберт присел рядышком с Натальей и Ольгой. Эржебет и Феликс — чуть поодаль.

Вдруг из соседней комнаты раздался телефонный звонок. Брагинский нехотя поднялся и пошёл на выход, стараясь никого не задеть.

— Это точно тебя? — вздохнула Ольга.

- Если звонят на ночь глядя, то меня, — крикнул Иван.
— Братик, тебе поставить на паузу? — спросила Наташа.
— Нет, нет, смотрите, не отвлекайтесь, — ответил Россия и вышел из комнаты.

— Джонс, ты хоть знаешь, какой сейчас час? — со вздохом ответили по ту сторону океана.

Альфред улыбнулся:

— А ты разве спишь?

— Нет.

— Ну вот и в чём проблема, Брагинский? Расслабься.

— Так в чём дело? Что-то важное? — голос на том конце провода был до отвращения ласковый и дружелюбный.

— Может, я просто так позвонил.

— Соскучился, — из трубки послышалась усмешка.

— И не мечтай, коммунист! — рыкнул Джонс. — Хочу узнать, как твоя Олимпиада без большей части государств.

— Ну, во-первых, не большей части. А, во-вторых, у тебя, что, телевизор плохо идёт? — с очень явным беспокойством спросили из-за океана.

— Всё у меня в порядке, — процедил Америка. — Тебе не стыдно?

После секундной паузы ему ответили:

— Будь так любезен и уточни, за что именно?

— Во время Олимпийских игр не ведутся войны, — выдал Альфред. — А у тебя войска в Афганистане.

— Они туда вошли ещё до Олимпиады по просьбе афганского же правительства. Так что расслабься.

Это было сказано таким спокойным тоном, что Альфред поперхнулся от возмущения:

— Ты хоть понимаешь, что теперь самый главный душитель прав и свобод?

— Ну, это весомый аргумент, — с усмешкой послышалось в трубке, и Альфред был готов поклясться, что Брагинский нагло улыбается.

— Да как ты...

— Джонс, давай ты в другой раз будешь говорить, какая я сволочь. Хорошо? Как только Олимпиада закончится, так сразу. Тут недолго осталось. Позвонишь, выложишь мне всё, с чем ты, защитник угнетённых, не согласен. Но только после игр. Мне сейчас не до твоих...

— Эй, вообще-то, я тебя игнорирую! Не наглей, — воскликнул Альфред. Однако в конце Ивану послышались усталые нотки. Послышались ли?

— Джонс, — голос у Брагинского стал тихий-тихий, — а вот если бы ты приехал... Угадай, чем бы мы занимались?

— Чем? — сглотнул Америка.

— *Соревновались*, — мягко-мягко своим бархатным голосом произнёс Россия.
— Лёгкая атлетика, бег, гребля...

— Продолжай...

— Баскетбол, — всё так же ворковал Иван. — Помнишь в семьдесят втором...

— Заткнись, — резко оборвал его Альфред.

— Ну, на нет и суда нет, — весело отозвались с другой стороны земного шара. — Ты

как снова заскучаешь, включи телевизор. Можешь полюб...

Джонс резко положил трубку. Злость в нём так и кипела, и тому была одна весома причина. Альфред хотел соревноваться, он любил соревноваться, а ещё он хотел и любил соревноваться с Брагинским. И не важно где: в спорте, в космосе или в политике. Чувство соперничества было приятным и обволакивающим. А та или иная победа — сладкой. Альфред Джонс, можно сказать, и жил ради этих побед.

— Сукин ты сын, — кисть непроизвольно сжалась в кулак.

Когда Иван вернулся к гостям, его взору предстала чудная картина: посреди комнаты страны ухахатывались, держась за животы. На экране шёл мультфильм про Бабу-Ягу и, видимо, подходил к концу.

— Чудная сатира, Россия, — произнесла Хедервари, утирая слезу.

— Да, Брагинский, — через хохот, подтвердил Гилберт. — Мультфильм как по заказу был нарисован.

Иван понял, в чём дело, улыбнулся и ответил:

— Ничего подобного. Он был снят гораздо раньше.

— Тогда ты провидец, — немного успокоившись, развёл руками ГДР.

Примечания:

Теперь же он заметил, что и у второй кровати стоит внушительного вида багаж: чёрный чемоданчик на колёсиках с ручкой-тянучкой.

Вот такой примерно чемодан: <https://media.sumkini.ru/blog-images/media/2015/02/20/luggage.jpg>

— Всё-таки Жан довольно прагматичен, — то ли самому себе, то ли Артуру сообщил важную новость Бонфуа, разглядывая потолок и скрестив руки под головой.

Франциск может вкладывать в эту фразу множество значений, но одно из них связано с Олимпийской деревней.

Старая Олимпийская Деревня (Олимпийская деревня) построена в 1978—1979 в рамках программы подготовки к играм в Москве для проживания участников XXII Московской олимпиады 1980 года. В отличие от олимпийских деревень прежних лет, изначально строилась как жилой микрорайон столицы.

Этот олимпийский микрорайон имеет спортивный комплекс, торгово-бытовой центр, поликлинику и другие здания культурно-бытового назначения — это образцовый пример комплексной застройки жилого района. Характерно, что в Олимпийской деревне были сразу построены здания необходимые для эксплуатации после Олимпиады: три детских сада и две школы.

Особенно его любимый еврейский вопрос.

Возвращаемся к карикатурам 80-х годов: <http://propagandahistory.ru/1580/Boykot-olimpiady-1980-g-goda-stranami-Zapada/>

Карикатуры, призывающие бойкотировать Олимпиаду в Москве, были связаны не только с вводом советских войск в Афганистан, хотя это и была основная тема.

Карикатуры призывали «дать свободу советским евреям», которых не выпускали за границу. То, что выехать просто так вне социалистического блока, было сложно многим, независимо от их национальности, мало кого волновало.

Мишель де Нострдам (Нострадамус)— французский астролог, врач, фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами.

Пьер де Фреди, барон де Кубертен— французский спортивный и общественный деятель, историк, педагог, литератор; барон и просто интересный человек. Инициатор организации современных Олимпийских игр (проводятся с 1896). Президент Международного олимпийского комитета (МОК, 1896—1916, 1919-1925).

Ему принадлежат многие крылатые фразы, такие как «*О, спорт! Ты — мир!*» и «*В Олимпийских играх самое важное не победа, а участие; главное в жизни не одолеть, а достойно сражаться*».

Ванечка, ты раздобыл видеоманитофон?

В СССР бытовые видеоманитофоны начали проникать с середины 1970-х годов и первоначально были только у лиц, имевших возможность выезда за рубеж. В широкой продаже они стали доступны только с начала перестройки.

Первый кассетный видеоманитофон «Спектр-203 Видео» формата VCR сошёл с конвейера Львовского ПТО им. Ленина в 1974 году. В 1979 году его сменили «Сатурн-505» и «Электроника-505» того же формата. Чрезвычайно высокая цена всех этих устройств (более 2000 рублей) в сочетании с нестабильностью их работы и отсутствием рынка готовых видеозаписей, препятствовали массовому спросу на бытовую видеотехнику.

С 1980 года «Видеопрограмма Госкино СССР» начала выпускать мультфильм «Баба-Яга против!» на видеокассетах в системе SECAM. Тут автор мог и наврать, ибо он не знает, когда именно в 1980-м вышла данная кассета.

**— Баскетбол, — всё так же ворковал Иван. — Помнишь в семьдесят втором...
— Заткнись, — резко оборвал его Альфред.**

Исход матча стал предметом долгих разбирательств и дискуссий. Американские игроки и официальные лица команды отказались выйти на церемонию награждения и по сей день не признают результат игры корректным. Для СССР эта победа принесла первое олимпийское золото в мужском баскетболе. СССР вырвал победу 51:50 в последние три секунды.

Глава 5.

*На трибунах становится тише...
Таёт быстрое время чудес.
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.*

Августовская ночь была на редкость душной. Даже приоткрытая маленькая форточка не помогала Наташе заснуть. Или же это от волнения? Ведь завтра закрытие, опять все будут суетиться.

Арловская перевернулась на другой бок. Потянулась, включила настольную лампу: будильник показывал полвторого.

Девушка недовольно вздохнула: «Сегодня уже закрытие... Надо поспать».

Но сон всё не шёл. Решив, что лучше уж ей проветриться, Наталья встала с кровати. Достав из сумки первую попавшуюся одежду — из Олимпийской деревни они вернулись вчера, но вещи ещё не разбирали, — девушка быстро сменила гардероб и тихонько вышла на улицу.

В саду было определённее лучше: свежее и прохладнее. Наташе вдруг, совершенно по-детски, захотелось яблочка. Они, конечно, ещё не совсем спели, да и жутко кислые, скорее всего, но уж больно велико желание съесть небольшой бело-розовый плод.

— Едешь ли в поезде, в автомобиле

Или гуляешь, хлебнувши винца, —

При современном машинном обилье

Трудно по жизни пройти до конца.

В саду Арловская оказалась не одна: Брагинский сидел на лавочке под яблоней.

— Ваня? — удивилась Белоруссия. — Ты почему не спишь? И ты... Иван, ты что, опять куришь? — Наташа уже хотела возмутиться, но передумала. Она присела рядом с братом и аккуратно тронула его за плечо. — Опять что-то случилось?

— Не опять, а снова, — Брагинский лишь улыбнулся уголками губ и выдохнул дым через нос. — Володя... умер, — он снова затаился. — Но это... не должно быть неожиданностью.

— И когда? — тихо спросила Наташа.

— Двадцать пятого... Но мне позвонили вчера, — ещё одна затычка, и папиросу придавливает каблук ботинка. — Знаешь, — Иван неожиданно горько усмехается, — это всё переживаемо, конечно, но... «Всё-таки немного больно». Праздник же, в конце концов, радость повсеместная, и вдруг...

Брагинский замолчал. И тут Наталья продолжила то, что ещё недавно Иван начал напевать в саду:

— Вот вам авария: в Замоскворечье

Трое везли хоронить одного...

Брагинский присоединился:

— Все, и шофер, получили увечья,

Только который в гробу — ничего.

Тихая песня на два голоса проникала в тёплую августовскую ночь.

Олимпийские игры приближались к завершению. «Лужники» снова ожили. Церемония закрытия должна была начаться с минуты на минуту.

Гилберт считал, что игры прошли отлично. Он не помнил такого количества олимпийских и мировых рекордов. Неожиданно отличилась Зимбабве, чья команда составляла всего девятнадцать женщин. Она взяла золото по хоккею на траве и очень этим гордилась.

Гил также вспомнил малышку Сейшелы, которая заметно подросла и решилась показаться миру. Это были её первые Олимпийские игры и, несмотря на отсутствие медалей в своей копилке, девушка была в восторге. Вот только не очень она радовалась чрезмерной опеке Кёркленда и Бонфуа, поэтому при каждом удобном случае старалась от них сбежать.

Гилберт очень гордился собой. Ещё бы: второе место! А на полунамёки республик СССР он с ехидством отвечал, что их вон сколько много, а он один.

Байльшмидт до сих пор усмехался, припоминая, как обычно спокойный Эдуард так носился с символом яхтсменов — морским котиком Вигри.

И, конечно, он с теплом вспоминал все их посиделки. Ночные гуляния да чаепития.

— Я думаю всё прошло довольно хорошо, — со спины к нему подошла Венгрия.

— Да и я думаю, что всё замечательно, — ухмыльнулся Байльшмидт.

— Я смотрю ты очень проникся... духом соревнований, — девушка выдавила лёгкую улыбку. — Ты у СССР почти как родной.

— Конечно, я свой практически в любой компании, — Гил старался сделать вид, что не понимает намёка.

— Я не об...

Тут они услышали тяжёлые шаги. Брагинский сильно запыхался, видимо, быстро бежал.

— Успел, — выдохнул он. — Хоть и места не занял.

— Я пойду, — улыбнулась Эржебет. — Меня Феликс ждёт.

Церемония началась. Белый Олимпийский флаг медленно опустился под звуки гимна, олимпийский огонь потихоньку угасал. Из цветных щитков вдруг, как в сказке, сложились символ Олимпиады Миша и слова: «Доброго пути!». Щитки перевернулись и из глаза медведя покатились слеза.

— Смотри, Брагинский, — воскликнул Байльшмидт. — Как будто и вправду плачет! Как интересно задумано. Бра... И ты тоже?!

Иван быстро смахнул влагу с глаз:

— Нет, просто соринка попала...

— Эй, ну... — Гилберту сразу стало немного не по себе. — Всё же отлично? Вы ведь хотели эту Олимпиаду? Вы её провели.

Россия широко и искренне улыбнулся:

— Я думаю, она нам очень была нужна.

Грянул оркестр. На стадион, как на сцену, выплыли спортсмены. Делали они всё так синхронно и красиво, что даже у Байльшмидта дух захватывало.

И тут раздалась песня:

— *На трибунах становится тише...*

Вдруг на середину стадиона, ухватившись за разноцветные воздушные шары, выплыл огромный Миша. Он помахал на прощание лапой и стал медленно подниматься над стадионом до тех пор, пока не исчез в небе.

Песня подходила к концу:

— *До свиданья, до новых встреч.*

— Ыыыыы, — слышалось совсем рядом.

Парни оглянулись: Украина и Белоруссия стояли ближе, чем они думали. Наташа и Оля обняли друг дружку и громко всхлипывали.

«Ёпт... — думал Байльшмидт. — Арловская плачет. Никак конец света близок».

— Ваня, — всхлипнула Ольга. — Иди к нам!

— А я...

— Живо! Гилберта тоже можешь захватить, — смилостивилась Украина.

— Не бросай меня с ними одного, — шепнул Брагинский на ухо ГДР.

Через несколько дней Байльшмидт вернулся домой и мог, наконец, расслабиться. Или заняться делами, он ещё не решил. Но грандиозные планы прервал телефонный звонок.

— Байльшмидт, — быстро ответил Гилберт. — Герр Байльшмидт слушает. А, привет Людвиг. Что? Как Олимпиада? А у тебя нет телевизора что ли, братишка? Да, я весь отдохнувший, посвежевший и крутой! Твой Великий брат потом и кровью добыл сорок семь золотых, а... Медведь? Который летал? Конечно, помню, — Гил налил себе из термоса чай. — А что? Погоди, — ГДР аж подавился, — что-то попросить у Брагинского?! Людвиг, ты там в своём уме?! Не шути так со мной, — Байльшмидт сделал глоток и тут же об этом пожалел. — Сколько, сколько марок ты говоришь?!

Альфреду Джонсу пришло письмо с пометкой доставить лично в руки. В письме ровным твёрдым почерком было выведено, что страны социалистического блока не смогут принять участие в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе, поскольку это противоречит их принципам. Так же в письме невзначай интересовались: удачны ли были эти выборы для Джима Картера?

Примечания:

«*Едешь ли в поезде, в автомобиле...*» — строчки из песни Владимира Семёновича Высоцкого «Весёлая покойницкая».

— ***Володя... умер, — он снова затянулся. — Но это... не должно быть неожиданностью.***

Высоцкий умер в ночь на 25 июля 1980 года в возрасте 42 лет. Ровно за год до смерти Владимир Семёнович уже пережил клиническую смерть во время гастролей в Бухаре.

Он не помнил такого количества олимпийских и мировых рекордов.

За 14 дней соревнований в Москве спортсмены-участники из 81 страны установили 74 олимпийских, 39 европейских и 36 мировых рекордов, что в совокупности оказалось больше, чем достижения предыдущей монреальской Олимпиады.

Эуард так носился с символом яхтсменов — морским котиком Вигри.

Талисманом московской Олимпиады стал Олимпийский Мишка, автор эмблемы — московский иллюстратор детских книг Виктор Чижиков. А талисманом соревнований яхтсменов в Таллине являлся морской котик Вигри.

Картинки: <http://divanmaster.diary.ru/p210993445.htm>

Твой Великий брат потом и кровью добыл сорок семь золотых.

Команда ГДР в 1980 году заняла второе место и выиграла 47 золотых медалей.

А что? Погоди, — ГДР аж подавился, — что-что попросить у Брагинского?! Людвиг, ты там в своём уме?! Не шути так со мной, — Байльшмидт сделал глоток и тут же об этом пожалел. — Сколько, сколько марок ты говоришь?!

Скорее всего, это красивая легенда. За энную сумму дойчмарок одна западногерманская фирма хотела приобрести нашего мишку.

Альфреду Джонсу пришло письмо с пометкой доставить лично в руки.

В ответ на бойкот московской Олимпиады, большинство стран социалистического блока бойкотировали Летние Олимпийские игры в Лос-Анджелесе в 1984 году. Во время бойкота ими были проведены соревнования под названием «Дружба-84». Девять государств (СССР, Болгария, Венгрия, ГДР, КНДР, Куба, Монголия, Польша, Чехословакия) провели их под девизом «Спорт — дружба — мир».

Есть мнение, что решение Картера было продиктовано предвыборными целями: бойкот Олимпиады должен был добавить ему голосов. Однако выборы выиграл Рональд Рейган. И, на мой взгляд, Рейган был гораздо более зубастый.

Примечание к части

Вот и подошёл к концу небольшой цикл про Олимпийские игры Москва-80. Я надеюсь, вам приятно было читать.

Эта работа, естественно, больше художественная, чем историческая, т.к. многие события опущены в угоду повествованию. Однако, возможно, кого-то это побудит шире рассмотреть тему ;)